

особенно Италия, развивалась духовно в той же мере, в какой регрессировал греческий Восток.

Едва ли Нерио Аччьяйоли сознавал значение Греции для общечеловеческого просвещения; но он вызвал оживленные сношения итальянцев с Афинами. Этот город вступал в новую стадию своей истории, последнюю стадию своей самостоятельной жизни под властью франкских государей. Она может быть названа флорентинской эпохой. Итальянцы, особенно флорентинцы, сменили теперь в господстве над Афинами другие романские нации; они стали в более близкие и более гуманные отношения к грекам, чем их предшественники.

Столь легко доставшееся Нерио герцогство Афинское заключало в принадлежавших ему частях Мегару, Аттику и Беотию; и даже в эту последнюю страну уже проникли турки, которые, вероятно, в качестве его временных союзников или же его наемников заняли Ливадию¹ Салона и Бодоница остались вне власти Нерио, равно как и Арголида, принадлежавшая роду Энгиен. Таким образом лишь Аттика и Беотия испытали полный переворот во всех имущественных отношениях. Вместе с испанским владычеством пал здесь и феодализм, уступив место совершенно новому порядку вещей. Прежние государи исчезли; их сменил просто богатый купец; добытые им земли были его частными владениями. Он мог раздавать их своим друзьям и сотрудникам, но баронами он их не делал. Ибо Нерио не привел за собой ни толпы жаждущего ленов дворянства, ни вообще военной касты завоевателей; он завоевал герцогство Афинское, будучи уже владельцем Коринфа, при помощи отряда наемников, которым он заплатил из своей кассы и мог, по желанию, отправить, когда угодно.

Греческому населению могло быть лишь выгодно то, что его завоевание не было нашествием. Долгая неволя ослабила национальное чувство греков; они были если не равнодушными, то пассивными зрителями как падения каталанцев, так и въезда их нового

¹ Chalkokond. IV, 213.